

Перед глазами Иньжэна всё поплыло, подернувшись серой дымкой. Обрывки воспоминаний замелькали безумным вихрем: его первенец из прошлой жизни, угасший в младенчестве; пятая принцесса, в этом земном воплощении принявшая предназначенный ему удар судьбы; и, наконец, лицо Хунши — улыбающееся, легкомысленное, не ведающее забот.

Иньжэн зажмурился, силясь прогнать наваждение. Сделав глубокий вдох, он до боли сжал кулаки и стремительно направился к выходу. На этот раз он не позволит никому из своих близких уйти во тьму.

К тому моменту, как он спешно добрался до Дворца Икунь, император Цяньлун уже был там. Озабоченность на его лице выглядела вполне искренней.

Императрица Нала, до белизны в пальцах стискивавшая шелковый платок, при виде Юнцзи словно обрела долгожданную опору. Сделав шаг навстречу сыну, она прошептала сорвавшимся голосом:

— Юнцзи... Юнцзин...

Иньжэн крепко взял её за холодные ладони.

— Матушка, Юнцзин обязательно поправится, верьте мне.

Повернувшись к Цяньлуну, он почтительно склонился в поклоне:

— Твой сын Юнцзи приветствует великого отца. Желаю благоденствия августейшему родителю.

Император, пребывавший в крайнем смятении чувств, лишь раздраженно отмахнулся:

— Встань.

Твердость в голосе сына подействовала на императрицу отрезвляюще. Немного успокоившись, она увлекла Юнцзи за собой на кушетку, не выпуская его маленькой теплой ладони, и замерла в ожидании вердикта врачей.

Вскоре из внутренних покоев вышел придворный врач, чье лицо омрачала глубокая забота. Цяньлун, не дожидаясь доклада, грозно спросил:

— Что с тринадцатым принцем?

Пожилой врач смиренно склонился перед правителем:

— Ваше Императорское Величество, тринадцатый принц жестоко простужен. Лихорадка сильна, ему необходим покой и тщательный уход.

Нала спросила дрожащим голосом:

— Лекарь, болезнь Юнцзина... неужели она... смертельна?

Последние слова сорвались с её губ едва слышным шелестом.

Старик-лекарь на мгновение замялся, не решаясь ответить. Цяньлун, потеряв терпение, рывкнул:

— Мне не нужны ваши уклончивые речи! Вы обязаны поставить тринадцатого принца на ноги и излечить без всяких последствий! Иначе лишитесь голов!

С этими словами он стремительно направился в почивальню сына.

Иньжэн попытался помочь матери подняться, но она мягко, но решительно удержала его за плечи.

Позвав матушку Ли и изо всех сил стараясь скрыть терзавшую её тревогу, императрица строго посмотрела сыну в глаза:

— Там сейчас слишком шумно и беспокойно. Ты поднялся ни свет ни заря и еще ничего не ел. Ступай с матушкой Ли, позавтракай и возвращайся позже.

Иньжэн встретился с ней взглядом, помолчал секунду, а затем покорно опустил веки и последовал за пожилой служанкой.

Оставшись одна, императрица глубоко вздохнула и негромко позвала:

— Бихэ.

Молодая служанка тут же опустилась перед ней на колени:

— Слушаю, госпожа.

Взгляд Нала сделался ледяным и пронзительным:

— Свари для двенадцатого принца целебный отвар, выводящий яды. Приготовь его сама и

лично сними пробу перед подачей. Тебе всё ясно?

Бихэ склонила голову до самого пола:

— Рабыня всё поняла.

Императрица едва заметно кивнула:

— Ступай.

Опершись на руку матушки Жун, она поспешила во внутренние покои.

Иньжэн с мрачным лицом шел к своим покоям. Матушка Ли, не смея проронить ни слова, безмолвной тенью следовала за ним.

У дверей комнат принц сухо бросил:

— Накрой завтрак прямо здесь, в комнате.

Нянька с облегчением вздохнула, поспешно поклонилась и удалилась.

Распахнув дверь, Иньжэн переступил порог. В его ровном, тихом голосе угадывалось приближение сокрушительной бури:

— Линь Яо, на стражу у дверей. Ли Сян — ко мне! Живо!

Едва Линь Яо затворил за собой дверь, Ли Сян рухнул на колени. Всё его лицо выражало глубочайшее раскаяние.

Иньжэн неторопливо подошел к кушетке и сел. Он задумчиво коснулся изящной фарфоровой пиалы. Даже не взглянув на провинившегося слугу, он тихо спросил:

— Рассказывай. До единого слова.

Ли Сян, запинаясь от волнения, принялся восстанавливать события минувшей ночи. Накануне у постели тринадцатого принца дежурили служанка Цзыюй и кормилица мальчика, матушка Ван. На рассвете, когда Ли Сян вместе с Бияо подошли к покоям маленького господина, до них донесся едва уловимый аромат благовоний. Помня строжайший запрет Иньжэна разводить в комнате больного ребенка любой дым, они тут же заподозрили неладное. Ворвавшись внутрь, они обнаружили, что все дежурные спят беспробудным сном. Одеяло с Хунши было сброшено на пол, а сам он лежал бледный как полотно. Пока Бияо спешно осматривала мальчика, Ли

Сян растолкал заснувших слуг и велел немедленно доложить обо всем императрице.

Иньжэн медленно вел пальцем по тыльной стороне ладони. Преданность Ли Сяна не вызвала сомнений — хоть его и прислали из клана Уланара, обучали его люди Иньжэна за пределами дворца. И всё же допустить такую оплошность...

Взгляд двенадцатого принца, тяжелый и леденящий, заставил Ли Сяна сжаться. Тишину прервал негромкий стук в дверь и осторожный голос Линь Яо:

— Господин, завтрак подан.

Иньжэн наконец отвел взгляд и негромко произнес:

— Чтобы это было в последний раз. Двадцать ударов палками. Наказание пока отложим, но долг за тобой.

Ли Сян с глухим стуком прижался лбом к полу:

— Благодарю за милость, господин!

— Входи, — повысив голос, бросил Иньжэн.

Ли Сян мгновенно поднялся на ноги и безмолвной тенью отступил к стене.

Линь Яо плавно отворил дверь, держа в руках лакированный короб. Он аккуратно расставил блюда на столе и принялся бесшумно прислуживать за едой.

Когда трапеза была окончена и принц омывал руки, снаружи донесся невнятный гул. Из коридора раздался звонкий девичий голос:

— Рабыня Бихэ по повелению Её Величества принесла двенадцатому принцу целебный отвар.

Линь Яо впустил служанку, забрал из её рук пиалу, лично отхлебнул немного и, убедившись в безопасности лекарства, почтительно поднес господину.

Иньжэн осушил чашу одним глотком и, вытерев губы шелковым платком, спросил:

— Что там за шум на дворе?

Бихэ замялась, опустив глаза, но тихо ответила:

— Из Дворца Продления Счастья прибежала служанка Дунсюэ. Ищет Его Величество...  
Говорит, у госпожи Линь-фэй начались роды.

Иньжэн стиснул платок в кулаке, сминая нежную ткань. Его лицо потемнело, а в голосе прорезалась глухая, почти осязаемая ярость:

— Линь-фэй...

Узнав об этом, императрица Нала едва не заскрежетала зубами от злости.

«Линь-фэй! Дрянь эдакая, неужели решила досадить мне именно сейчас?»

Однако вслух она лишь сухо бросила:

— Передайте, что я слышала.

Обернувшись, Нала увидела, что лицо императора стало еще более хмурым. Подавив подступивший к горлу гнев, она заговорила как можно мягче:

— Ваше Величество, Хунши совсем плох, и я не могу оставить его ни на миг. Но и роды во Дворце Продления Счастья нельзя пускать на самотек, дабы не тревожить Вдовствующую императрицу. Прошу вас, навестите Линь-фэй.

Цяньлун бросил короткий взгляд на супругу, затем перевел взор на мечущегося в бреду сына и молча направился к выходу. Стоявший у дверей евнух зычно провозгласил:

— Императорский выезд во Дворец Продления Счастья!

Цяньлун на секунду замер, недовольно прищурился, но всё же ускорил шаг и покинул покои.

Пойманный на полуслове Гао Уюн, несмотря на удушливый летний зной, покрылся ледяной испариной. Сделав едва заметный жест сопровождающей страже, он приказал убрать крикуна. Незадачливого евнуха, зажав ему рот ладонью, тут же уволокли прочь.

Император пребывал в отвратительном расположении духа. Его раздражало всё вокруг: и надрывные крики Линь-фэй из внутренних покоев, и внезапный недуг маленького Хунши в Икуньгуне. Ему претило это гнетущее столкновение радости рождения и страха смерти, пробуждавшее в душе давно похороненные, горькие воспоминания... Не в силах более выносить душевное смятение, Цяньлун, так и не дождавшись разрешения Линь-фэй от бремени, покинул её дворец и вернулся в Зал Вращения Сердца.

Взяв смоченное теплой водой полотенце, Нала принялась осторожно протирать пылающий лоб, щеки и шею больного ребенка. Из глаз её бесшумно катились слезы. Удивительно, но бывлой острой боли она не чувствовала. Последние хрупкие надежды на внимание супруга рассыпались прахом, оставив лишь легкую тяжесть в груди и горькую усмешку на губах. На смену им пришел ледяной покой.

«Должно быть, это знак свыше. Если судьба заставляет выбирать между благосклонностью государя и жизнью сыновей, выбор очевиден...»

Императрица слабо улыбнулась и произнесла с бесконечной нежностью:

— Юнцзин, маленький мой, ты обязательно справишься. Мы с Юнцзи рядом, мы не оставим тебя.

Слуги в комнате стояли затаив дыхание, боясь поднять головы под тяжестью гнетущего безмолвия.

Матушке Ли велели присматривать за двенадцатым принцем и ни в коем случае не пускать его в покои больного брата. Иньжэн не стал спорить. Он сидел неподвижно, держа перед собой открытую книгу, однако за несколько часов так и не перевернул ни одной страницы.

Вскоре пришло известие, что Линь-фэй разрешилась от бремени здоровым мальчиком. Однако император лишь сухо велел выдать положенную по чину награду, даже не покинув Зал Возвращения Сердца. Этот жест заставил весь двор теряться в догадках о его истинном отношении к новорожденному.

Услышав новость, Иньжэн лишь презрительно усмехнулся.

«Родиться-то он родился... Да только выживет ли?»

Захлопнув книгу, Иньжэн поднялся и жестом велел Линь Яо оправить складки его платья.

— Матушка Ли, — обратился он к няньке, — ступай на кухню и принеси свежего ласточкиного гнезда. Уже полдень, а матушка-императрица со вчерашнего дня маковой росинки в рот не брала. Да и Юнцзину понадобятся силы.

Старуха торопливо поклонилась и вышла. Юнцзи повернулся к Ли Сяну:

— С рассветом ты среагировал верно.

Тот поспешно опустил на одно колено:

— Ничтожный не смеет приписывать себе заслуги. К тому же...

— У меня всё строго: за верность — награда, за промах — кара, — перебил его Иньжэн ледяным тоном. — Твои двадцать палок никуда не делись, они лишь отложены. Но и верность твоя зачтена. Встань и возвращайся к своим обязанностям. Охраняй его.

Ли Сян прижал ладонь к груди в глубоком поклоне:

— Слушаю и повинуюсь, двенадцатый принц.

Он бесшумно поднялся и встал позади Линь Яо.

Иньжэн медленно шел по крытой галерее, опустив ресницы и пряча за ними злобный, хищный блеск в глазах. В покушении на Хунши прослеживался явный след Благородной супруги Чунь; не обошлось и без подстрекательства со стороны фракции Благородной супруги Цзя. Линь-фэй умело воспользовалась моментом, Супруга Шу предпочла остаться в стороне, да и прочие обитательницы гарема наверняка приложили руку. Дворец Икунь действительно стал костью в горле для всего двора.

«Что ж... Любая интрига имеет свою цену. Если эти змеи возомнили, что могут жалить безнаказанно, я лично научу их, что такое настоящий страх и безысходность».

Войдя в комнату брата, Иньжэн легким взмахом руки велел слугам не утруждать себя поклонами и быстро подошел к постели.

— Матушка, как Юнцзин?

Нала недовольно взглянула на маячивших за его спиной слуг, но, с трудом преодолев раздражение, заговорила ласково:

— Юнцзи, зачем ты пришел? Ты и сам едва оправился от недуга, не хватало еще, чтобы ты тоже слег...

— Матушка, я выпил укрепляющий отвар, мне ничего не грозит, — ласково перебил её Иньжэн, мягко обняв мать за плечи. — Вы со вчерашнего дня ничего не ели. Позвольте Ли Сяну и Бияо присмотреть за братом, а вы разделите трапезу со мной. Пожалуйста.

Нежная забота со стороны обычно столь не по-детски серьезного сына тронула сердце императрицы. Заметив искреннюю тревогу в его глазах, Нала устыдилась своей слабости. Каким бы взрослым он ни казался, он всё еще оставался её маленьким мальчиком. Взяв его за руку, она позволила увести себя в соседнюю залу.

Она сидела у стола и молча наблюдала, как Юнцзи с сосредоточенным видом старательно накладывает ей в чашу лучшие кусочки. От этого зрелища ледяной холод, сковавший её душу, начал постепенно отступать. Императрица сделала глубокий вдох. Она не имеет права опускать руки. На ней лежит долг защитить обоих сыновей.

Одолев лишь малую часть предложенных яств, Нала отложила палочки, омыла руки и ополоснула рот. Сделав глоток терпкого чая, она собралась вернуться к постели больного, но сын удержал её.

Глядя на осунувшееся лицо матери, Иньжэн твердо произнес:

— Матушка, я лично прослежу за лекарями и слугами. Обещаю, брат поправится. И со мной ничего не случится, не беспокойтесь.

Встретившись взглядом с его темными, по-царственному глубокими глазами, в которых светилась недетская решимость, императрица вздохнула:

— Матушка Жун, останься с двенадцатым принцем.

Иньжэн тут же соорудил обиженную мину:

— Неужели матушка мне совсем не верит?

Нала мягко щелкнула его по лбу:

— Глупенький. Ступай проведай Юнцзина, а после — немедленно возвращайся в Обитель принцев. Договорились?

Иньжэн покорно склонил голову и уныло протянул:

— Слушаюсь...

Как только силуэт императрицы скрылся за дверями её опочивальни, напускная детская мягкость мгновенно слетела с лица принца. Бросив холодный взгляд на матушку Жун, он направился в спальню брата.

При виде вошедшего двенадцатого принца слуги испуганно опустились на колени. Иньжэн властным движением руки велел им замереть. В этот миг в его хрупком теле вновь пробудилось величие прежнего Наследного принца — надменная, леденящая душу аура, заставившая слуг буквально вжаться в пол.

Он бесшумно приблизился к постели. Хунши метался в бреду, его круглое детское личико пылало от жара. Губы мальчика были полуоткрыты, он хрипло и тяжело дышал, безуспешно пытаясь устроиться поудобнее на влажных от пота простынях.

Сбросив туфли, Иньжэн забрался на ложе и сел рядом. Он осторожно приложил ладонь к горячей щеке Хунши. Почувствовав спасительную прохладу, больной неосознанно потянулся навстречу и крепко обхватил руку брата обеими ладошками. Иньжэн не стал высвобождаться. Свободной рукой он взял мокрое полотенце и бережно промокнул пот со лба мальчика.

— Лекарь Гао остается, — ровным, не терпящим возражений тоном скомандовал принц. — Остальным — выйти вон. И держите языки за зубами. Ли Сян, Линь Яо, на стражу у входа.

Присутствующие в замешательстве переглянулись, ища поддержки у матушки Жун. Пожилая служанка, пересилив страх, сделала шаг вперед:

— Двенадцатый принц, но как же...

Иньжэн медленно повернул голову. Когда матушка Жун встретила с ним взглядом, её сердце ушло в пятки. В этих темных глазах горела такая первобытная, беспощадная ярость, что женщина оцепенела, лишившись дара речи.

Спустя мгновение взгляд Иньжэна смягчился:

— Ступайте отдохните, нянюшка. Впереди у нас трудные дни, ваши силы еще понадобятся.

Старуха поспешно склонилась и, увлекая за собой слуг, бесшумно вывела всех из покоев.

Когда в спальне остались лишь трое, Иньжэн, не отводя взгляда от бледного лица брата, тихо спросил:

— Ну, рассказывай, Гао Хайчжэнь. Как его состояние на самом деле?

Глава Императорской медицинской палаты ответил со всей почтительностью:

— Господин, если до рассвета лихорадка отступит, опасность минует.

Иньжэн молча кивнул. Почувствовав, что полотенце на лбу Хунши нагрелось, он едва заметно нахмурился. Лекарь тут же подал свежее, смоченное в ледяной воде. Принц бережно сменил повязку, но, заметив, что страдальческая складка между бровями мальчика так и не разгладилась, тихо вздохнул.

— Иди. Оставь нас.

Лекарь Гао помедлил секунду, а затем тихо произнес:

— Берегите себя, господин. Не забывайте о собственном здравии.

Иньжэн поднял на него глаза. В его голосе скользнуло редкое тепло:

— Ступай. Я помню.

<http://bllate.org/book/18338/1784935>